

Недавно на прилавках книжных магазинов появился двухтомник избранных произведений Якова Белинского, выпущенный издательством «Художественная литература». Корреспондент «Книжного обозрения» обратился к автору с просьбой ответить на ряд вопросов.

— Яков Львович, издание избранного всегда представляет для любителей поэзии особый интерес, так как дает возможность увидеть поэта в движении, развитии, совершенствовании: главное — творческая индивидуальность поэта, его жизненная позиция раскрываются глубже и зримей. Какие события вашей жизни наиболее примечательно определяли и продолжают определять содержание и характер вашего творчества?

— Мое детство прошло в старинном русском городе Владимире. В первый год первой пятилетки я — буровой рабочий, буровой мастер. В 1932 году — первое опубликованное стихотворение в молодежном журнале. Затем — Московский архитектурный институт. Работал архитектором. В дальнейшем победила поэзия: появлялись новые и новые стихи в периодике. В начале войны ушел в народное ополчение, но вскоре был направлен в Краснознаменное пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР («Кремлевские курсанты»), из которого был выпущен лейтенантом в конце 1941 г. Вплоть до демобилизации — спецкор армейских и фронтовых газет на Сталинградском, Донском, 3-м Украинском фронтах. Прошел с войсками Украину. Участвовал в зарубежных походах: Румыния, Болгария, Югославия, Венгрия, Австрия. Будни войны, судьбы товарищей, трагическое и светлое, смерти и подвиги, кровавая слитность с народной судьбой — все это стало жизнью сердца. В послевоенные десятилетия много ездил по стране: палаточный городок новорожденного Братска, первые цехи КамаАЗа, таежный поселок на БАМе... Всмотривался, вникал в жизнь и работу лесорубов, экскаваторщиков, монтажников. Порой и жил с ними бок о бок... Много бывал за рубежом, в

большинстве стран Западной Европы.

Пережитое, прочитанное, увиденное становилось строками стихов. Однако, и это само собой разумеется, поэзия, живущая самой жизнью, представляет отнюдь не «повторение» жизни, не снимок, не слепок, не дотошное арифметическое подобие — преобразенные чувством поэта жизненные явления приобретают особый, обобщенный,

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ПОЭТ — ВСЕГДА СЕГОДНЯ

Яков БЕЛИНСКИЙ

углубленный смысл. Поэзия сейчас — это причастность ко всему определяющему сегодняшний час человечества: готовность отстоять непреходящие человеческие ценности — мир, истину, мечту, доброту, любовь, это понимание права человека на счастье, утверждение своей личности в свободном человеческом обществе, борьба на стороне духовного начала с бездуховностью — мечанством — без этого сегодня нет поэта!

— Какое значение придаете вы общению со своим читателем?

— В жизнь каждого работающего поэта бывают периоды суровой переоценки своего труда — не стану скрывать — и сомнений, и разочарований. Обычно они предшествуют новому творческому повороту, новым поискам. И вдруг в этот нелегкий час — письмо от незнакомого читателя. Письмо, в котором и глубокое понимание твоих стихов, и нечто такое о них, о чем и сам не догадывался, и признание читателя, что в чем-то помог ему своими строками. И понимаешь, что ты нужен человеку. И все в душе меняется: и осознаешь — очень стоит и жить, и работать! Умное, окрыляющее письмо! Однажды пришло письмо от участника войны, с которым, оказывается, в годы Великой Отечественной был на одном фронте. Письмо — своего рода заказ, призыв: почему до сих пор нет песен о нас, ветеранах войны. Я и сам думал о такой песне, но, признаюсь, сыграло свою

роль и это письмо. Так родились стихи, ставшие впоследствии песней «Не стареют душой ветераны». Совсем недавно получил письменный отклик на опубликованные на французском языке цикл моих стихов и эссе. Письмо пришло из Монпелье от студента местного университета. В письме затрагивались столь интересные проблемы — о месте поэзии и поэта в современном мире, о важности всечеловече-

ского общения, — что считал нужным ответить его автору открытым письмом через журнал «Lettres soréliques». Важный и взаимообогащающий диалог!

Есть еще одна форма общения с читателем. Когда читатель — поэт. Речь идет о взаимных переводах. На протяжении ряда лет я переводил произведения монгольских поэтов, поэты Монголии переводили мои стихи. (В свое время в Улан-Баторе вышла небольшая книга моего избранного на монгольском языке). Что это, как не прекрасное общение разноплеменных муз!

Немало в памяти и виступлений перед самыми разными аудиториями. Навсегда перед глазами — ребята, первые строители БАМа: литературный вечер в дощатом клубе среди вековых лиственниц. Рабочие-автостроители и инженеры. В цехе, на КамаЗе. Встреча со студентами — славистами одного из старейших университетов Европы в чешском городе Оломоуце...

— Новое стихотворение... Как возникает оно?

— Чаще всего — это мгновенный отклик на «призывный зов» жизни, голос растущей, работающей души... Однажды в таежном поселке устроился на ночевку вместе с лесорубами. В теплой темени палатки были слышны только шум дождя и дыхание спящих. Что им снится, думал я... Я слышал спокойный ритм человеческого дыхания: длинный вдох и короткий выдох. И сами собой возникали строки стихотворения «Ночью

в Звездном». И лишь много времени спустя случайно обнаружил, что стихи я написал в ритме дыхания спящих парней...

Бывает и другое. Поражающая меня симфоническая поэма Цезаря Франка «Джинны» вызвала к жизни мое «Сказание о джиннах», вещь, как мне кажется, похожую по своей сложной, стремительно развивающейся ритмике на музыкальный прообраз. Хотя содержание моего стихотворения, думается, не только фантастично, а остро современно. Музыка Франка была толчком, давшим жизнь тому, что давно созрело в душе... В общем, у каждого стихотворения своя судьба, своя жизнь...

— Какое значение вы придаете изысканиям в области формы в поэзии?

— Новое содержание само ищет возможности отлиться в естественную, органическую для него форму. Поэт в меру своих сил лишь помогает этому новому обрести выражение в точной и трепетной строке стиха, в новой современной его пластике. Идущий новой дорогой поэт бесспорно отвергает связывающие его свободу стертые ритмы и плоские рифмы, изжитые интонации, потерявший выразительность синтаксис. Всю жизнь вслушиваюсь в живую речь сегодняшнего дня, ищу в тайнах корней, в подспудной перекличке слов, во вспыхивающих при их столкновении неожиданных ассоциациях ключи к новым возможностям познать и выразить мир. Стремлюсь к «плотности замеса», к точному лаконизму. Ценю свежесть, сильную рифму, ведь это — маленький аккумулятор, заряженный энергией строки... И все же в основе мастерства — острое чувство современности. Поэт — всегда сегодня, и всегда в общении с грядущим — с тем лучшим, что уже светится в душах современников. Чтобы вырасти как художнику, подняться на следующую ступень мастерства, есть лишь один путь — вырасти как личности.

— И последний, традиционный вопрос: над чем работаете сейчас?

— Новые стихи, новая поэма, новые эссе — раздумья о поэзии...